

The background of the entire cover is a photograph of a sunset over a calm sea. The sun is a bright, glowing orb in the upper right, casting a shimmering path of light across the water's surface. In the distance, a small sailboat with its mast visible is on the horizon. The sky is a gradient of warm orange and yellow tones.

Татьяна
Ерицук

Роман в
утешение

Книга вторая

Роман в утешение

Татьяна Герцик

Роман в утешение. Книга вторая

«Дана Хадсон»

2014

Герцик Т.

Роман в утешение. Книга вторая / Т. Герцик — «Дана Хадсон»,
2014 — (Роман в утешение)

Что делать умной и решительной женщине, если любимый муж встретил другую, а сама она ненароком стала любовницей олигарха? Конечно, разлюбить мужа и сбежать от любовника...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Татьяна Герцик

Роман в утешение (книга вторая)

Глава первая

Георгий лег рядом, и, успокоенный, провалился в сон, крепко прижав меня к себе. Но я не спала. И спать не могла. Под его рукой было так тяжело и неудобно, он казался мне таким чужим и даже неприятным, что стало до боли ясно – моя когда-то такая нежная и светлая любовь умерла. Нестерпимо терзали холод, пронизавший насквозь всю душу, и непереносимое одиночество. В груди всё бурлило, недавние слезы не принесли облегчения, гнев и отчаяние просились наружу.

Мне хотелось завывать от горечи и беспомощности. Зачем я подала Георгию напрасную надежду? Напрасно я улетела в розовые дали, позволив себе поверить, что прошлое можно вернуть хотя бы во сне. Сколько еще глупостей я наделаю, если останусь?

Мое неразумное поведение говорило об одном – Георгию я противостоять не могу. И, если вздумаю остаться, скоро вновь превращусь в ту же полоумную дурочку, которой была восемнадцать лет подряд и которой Георгий без труда управлял, как вздумается. Но за прошедшее время я кардинально изменилась, и тихое счастье курицы-наседки под присмотром властного петуха уже не казалось мне столь привлекательным, как прежде.

В незашторенном окне четко виделись крупные звезды на безупречном бархате черного неба. Они игриво мерцали, обмениваясь друг с другом нелестным мнением о нас, таких забавных и непоследовательных людишках. Как ни странно, но именно это полуприличное подмигивание вырвало меня из оков истерики и заставило кривовато усмехнуться.

Тут в моей замороженной голове всплыл образ разъяренного Пронина, мгновенно погасив ухмылку. По коже прополз неприятный озноб, сея легкую панику. Что будет, если Роман застанет меня здесь? Да еще в постели с Георгием? Не миновать тогда выяснения отношений, скорее всего с кровавым мордобоем, чего я вообще не переношу. К тому же кто бы из них не вышел победителем в этой схватке, мне он абсолютно не нужен.

Передо мной во весь рост встала всё та же неистребимая проблема – как жить дальше. Первый шаг ее разрешения прост до банальности: нужно выяснить, кто я и чего хочу от жизни. Раньше я всегда старалась угодить тому, кто был рядом – сначала матери, потом Георгию. Пронин не в счет, ему я не угождала, а сопротивлялась, но слабо. Это и понятно – как говорится, «потерявши голову, по волосам не плачут». Так и я, – после измены Георгия мне было всё равно, кто со мной рядом.

Но теперь я более-менее пришла в себя и захотела познать самоё себя, то бишь выполнить одну из древних заповедей. А для этого мне нужно очутиться как можно дальше от обоих претендентов. У меня оставался один выход – удрать отсюда как можно быстрее. Что ж, в этом деле у меня выработался изрядный навык, и теперь мне осталось лишь вновь применить его на практике.

Осторожно выкатившись из-под горячей мужской руки, как и прежде, по-хозяйски устроившейся на моей талии, я на цыпочках выскользнула из спальни, по дороге прихватив лежащую на стуле одежду. На мгновение задержавшись в дверях, кинула последний взгляд на Георгия, мирно уткнувшегося носом в подушку и обхватившего изрядный кусок одеяла, видимо, пытаясь найти замену моему теплому телу.

Мысли остаться у меня не возникло ни на единый миг, лишь в груди тупо горела досада оттого, что Абрамов так некстати оказался на моем пути. И не только на пути, но и в постели. Но что сделано, то сделано, и главное теперь – не шуметь. Если, не дай бог, он проснется,

никакой свободы мне не видать. После этой ночи Георгий решит, и не без основания, что у него на меня есть все права.

Спустившись вниз, натянула всё тот же брючный костюм, в котором была у Тамары Якуниной, параллельно прикидывая, куда бы мне податься. Лучший вариант – поселиться где-нибудь в глухой деревне. Причем такой, где было бы два двора с парой добродушных старушек семидесяти лет и никого помоложе и подозрительнее. Память услужливо подкинула мне подходящую деревеньку, или, вернее, то, что от нее осталось – в позапрошлом году, гостя с Оксистой, своей коллегой-дизайнершей, у ее родичей в приволжской деревеньке Ишково, я услышала о Зажимках, умирающей деревне неподалеку.

Мимо дома, осветив фарами окружающее пространство, проехала какая-то машина, и я нервно подскочила. А если это очнувшийся Пронин со своей командой? Это казалось вполне вероятным, и сердце принялось даже не биться, а скакать, как олененок от настигающего его тигра. Если уж мне придется выбирать из двух зол, выберу меньшее и останусь с Абрамовым. Все-таки нас связывают общие дети, тогда как Пронину я вообще ничего не должна.

Звук зловеще урчащего мотора стих где-то за поворотом, и я перевела дух. Покамест это не по мою душу.

Решив больше не рисковать, дожидаясь появления настырного любовника, завела машину и выехала со двора, стараясь шуметь как можно меньше. На развилке притормозила, сообразив, что с единственным костюмчиком, что на мне сейчас, мне долго не протянуть, а купить одежду среди ночи нечего и пытаться, на предельной скорости погнала в город, каждую минуту замирая в ожидании погони. Гнаться за мной мог и Георгий, и пришедший в себя Роман. Или даже не он, а Самый Главный Страж в попытке исправить свой промах.

Господь и на этот раз меня миловал, и я, не пойманная ни Абрамовым, ни Прониным, ни даже бдительным ГИБДД, приехала в свою старую квартиру часа в четыре утра. Я ожидала приступа тоски по прежним счастливым временам, но, к моему облегчению, боязнь не забыть чего-нибудь важного затмила всё остальное.

Пробежав по квартире и пошарив в закромах, запихала в баул одежду, постельные принадлежности, теплый клетчатый плед и старый электрочайник. Чуть поколебавшись, добавила небольшой переносной телевизор и плеер. Надо же будет хоть иногда узнавать, что в мире творится. Тихонько, на цыпочках, чтобы не будить дотошных соседок-пенсионерок, осторожно вынесла из подъезда баул и погрузила его в свою верную машинку.

Возвратившись за остальными вещами, взглянула на антресоли и поддалась накотившему на меня порыву ностальгии. В детстве я неплохо рисовала и в свое время даже закончила художественную школу. В те давно прошедшие времена мой преподаватель не раз говаривал мне, что я подаю надежды. Вот и проверю наконец, осталось ли во мне что-то от той талантливой девочки, или нет. Мне давно хотелось написать пару пейзажей на пленэре, но всё не удавалось. Но теперь, если получится так, как я хочу, времени для испытания своих талантов у меня будет предостаточно.

Захватила масляные краски, гуашь, акварель, кисти, растворитель, чистые холсты с подрамником и небольшим складным мольбертом, оставшиеся у меня еще со студенческих лет. Вскоре моя маленькая машина была завалена так, что меня вполне могли остановить у первого же поста ГИБДД, что было крайне нежелательно, без паспорта в нашей стране трудно доказать свою благонадежность. Было потрясающим везением одно то, что документы на машину и права так и лежали в бардачке, где я оставила их в прошлом году.

Стараясь не выезжать на центральные улицы, пробралась по окраинам через весь город, и, запасаясь в оптовом магазинчике при выезде из Нижнего продуктами на несколько дней, рванула на скоростную трассу.

Моя верная мини легко неслась по гладкому асфальту, а я с тяжким недовольством прислушивалась к царившему в душе полнейшему разладу. И с чего бы это? Мне удалось ускольз-

нуть от бдительного любовника-тюремщика, удрать от решившего повернуть время вспять мужа, то есть доблестно выполнить все пункты собственного плана. Так почему же после совершенных подвигов я не чувствую хотя бы легкую удовлетворенность? Чем же я так недовольна? Может быть, просто устала, ведь отдохнуть этой ночью мне так и не удалось?

За небольшим леском потянулось ровное зеленое поле, уходящее за горизонт, и ответ вдруг пришел сам собой – просто я еду в никуда. Впереди у меня – пустота. Вряд ли я вновь смогу влюбиться так же беззаветно, как в свое время в Георгия. Тем более теперь, когда я знаю, как много страданий сулит поруганная любовь...

Вновь миновав Пореченск, на этот раз по окружной дороге, через час я притормозила перед покосившимся синим знаком с забавным названием Зажимки. Уж не знаю, кто кого там зажимал, но дорога туда была ужасной. Мне повезло, что дождей не было несколько недель, не то на моей мини мне бы никогда сюда не добраться. По разбитой гравийной дороге, замытой желтой глиной, я, немного даже укачавшись от бесконечных переваливаний с бока на бок, с трудом доползла до малюсенькой деревеньки, состоявшей из одной-единственной улицы с десятком полуразвалившихся домишек.

Притормозив возле избенки, показавшейся мне жилой, я выпала из машины и с трудом размяла отсиженные ноги. Голова немного кружилась, и мне пришлось постоять минут пять, ожидая, когда мозги придут в норму. Вокруг царил такой птичий гвалт, что я невольно огляделась, ожидая увидеть какую-нибудь птичью свару, но это местные пичужки торопились по своим делам, помогая себе громкими командами. Просто их было так много, что всё пространство вокруг казалось большим птичьим царством.

Изба, перед которой я притормозила, была небольшой, изрядно скособоченной и потемневшей от времени, но с целыми застекленными окнами, занавешенными сероватым тюлем. Перед ней был разбит палисадник, огороженный невысоким штакетником, не падающим благодаря подпоркам. В палисаднике зацвели золотые шары, разноцветные флоксы, да толстенные репейники, выдернуть которые в одиночку было не по силам никакой старушке.

Шел всего седьмой час утра, но одно из окон дома было уже распахнуто, и мне показалось, что внутри кто-то бродит. Я скептически оглядела свой наряд и пожала плечами. Вряд ли обрезанные до колен джинсы и свободную футболку, в которые я переоделась для удобства, одобряют в российской глубинке, но что-либо менять было поздно. Стараясь выглядеть как можно более достойно, я постучала в деревянный столб возле покосившихся ворот.

Долго никто не открывал, и я уж было подумала, что движение за окнами мне просто почудилось, когда за окошком послышался испуганный старушечий голос:

– Кто там?

Я постаралась ответить как можно безобиднее:

– Меня зовут Рита. Я художница. Мне бы пожить тут у вас немного. Уж больно места у вас красивые...

Женский голос успокоил старушку, и заскрипела открываемая дверь. За ней оказалась крепко сбитая, но какая-то уж очень скособоченная, под стать своей избенке, бабулька. Пригласив меня войти, хозяйка подождала, когда я открою калитку, и пошла вперед, показывая дорогу. Глядя на нее, я сразу вспомнила Плюшкина из «Мертвых душ» Гоголя. На старушке был такой же непонятного цвета длинный халат и сероватый ситцевый платок, повязанный на хохляцкий манер.

В избе было убого, но чисто, хотя и стоял специфический запах заброшенной старости. Малюсенькая комнатка, кухонька и сени с узким тусклым окошком – ничего лишнего. Хотя на улице было еще прохладно, дом стоял нетопленный. Баба Нюра, как представилась старушка, давно уже не спала – летом она вставала с курами, которых по двору бегало несколько штук. На мою просьбу подсказать, к кому можно попроситься на постой, лишь развела руками, сконфужено взглядывая на меня выцветшими глазами.

– Да не к кому, милая! Нас тут обитает-то три старухи. Домишки у нас маленькие, в одну горницу. Бедуем потому, что родных у нас никого не осталось. Хотя и тем, кого дети-внуки в город позабирали, не позавидуешь. Мы-то еще худо-бедно телепаемся, а они померли давно. Те, кто всю жизнь в деревне прожил, в своем доме, при хозяйстве, не могут в городских муравейниках-то жить. В них дышать нечем. А что касается постоя, то, ежели тебя труд не пугает, можешь любой дом выбирать. Они всё равно ничейные стоят. Хозяева, правда, где-то есть, а может и нет, не знаю. Никто из них сюда не приезжает. Крепче всего дом напротив – он почти жилой. Ефросинья полгода только как померла. Там и печка не дымит, и свет есть. Хороший домик. Хочешь – живи! Там не заперто. Не от кого запираяться. Надеюсь, Семен возражать не будет...

Обрадованная быстротой решения проблемы, я поблагодарила бабу Ньюру и завела машину во двор противоположного дома, вяло размышляя, кто такой Семен и почему он должен возражать.

Двор перед небольшим опрятным домиком и впрямь выглядел ухоженным. Не в обиду будь сказано моей новой знакомой, но порядка здесь было куда больше, чем у нее.

Около небольшого сарайчика аккуратно, выстроенные по размеру, стояли лопаты и ведра, а высунувшиеся по краям засыпанного желтоватым песчаником двора сорняки выглядели смущенными, будто понимали, что совершают нечто предосудительное. Даже колодец, закрытый от дождя двускатной крышей, был в порядке – на врытой в землю толстой палке висело перевернутое вверх дном оцинкованное ведро, прикрепленное за ручку длинной цепью к крепкому деревянному вороту.

В палисаднике перед домом цвели густо-бардовые мальвы, золотые шары и душистые цветочки, называемые в народе гусиным мылом, или жасминчиками. Над этим благолепием теряли лепестки два куста отцветающей сирени, белая и сиреневая, далеко разнося свой дивный аромат. Третьим ярусом высились ранетки, уже отцветшие, с мелкой зеленой завязью на ветках.

Осторожно отворив даже не заскрипевшую дверь, я на цыпочках, будто боясь кого-то потревожить, прошла в дом. В небольшой побеленной комнатке было чисто и опрятно, словно хозяйка лишь на минутку покинула свое жилище. Мне стало не по себе: в комнате, возможно, витал дух ее покойной хозяйки, с неудовольствием взирая на меня. Но желание передохнуть и хоть немного пожить спокойно пересилило, и я, перенеся свои пожитки, принялась устраиваться.

Здесь, как и в избе бабы Ньюры, была одна комната и кухня. Но сени были попросторнее, из них даже была выгорожена еще одна, совсем крохотная, летняя комнатка с настиленными вдоль стены деревянными нарами.

Набрав воды из колодца, я вымыла дом и сени, мысленно прося прощение за вторжение у его умершей хозяйки.

Прибравшись, я почувствовала себя такой усталой, что решила лечь спать, не дожидаясь вечера – сказался вчерашний безумный день и не менее безумная ночь. Есть мне не хотелось, я довольно плотно позавтракала в придорожном кафе, натянув шурин парик и пряча лицо за его длинными локонами. Завтракая, машину спрятала на полянке в лесу, дабы не дать повода случайным прохожим запомнить слишком много. И теперь, гордясь своей предусмотрительностью, надеялась, что смогу прожить здесь столько, сколько захочу.

Широко зевая во весь рот, расправила кровать, застелила ее своим бельем и легла, стараясь превозмочь усталую, а может быть и нервную, дрожь. Легла и поняла, что подо мной перина из настоящего гусяного пуха, и, похоже, что и одеяло такое же, не говоря уже о подушке. Ну и ну, вот это да! Да я просто в музей-заповедник попала!

Несмотря на искреннее удивление и усталость, в мою бедную голову полезли неприятные мысли. А не здесь ли умерла эта самая Ефросинья? Но изнеможение было таким, что эта неприятная мысль уплыла куда-то на самый край сознания.

Расслабившись, я уже почти заснула, как вдруг осознание сделанной мной кошмарной ошибки заставило меня подскочить на постели.

Когда я в последний раз принимала противозачаточные таблетки? По спине прополз злобный холодок, и я с трудом вспомнила: прошлое утро я их не выпила из-за жуткого беспокойства, элементарно позабыв. Сегодня из-за истории с Георгием и поспешного бегства мне тоже было не до них.

Решив принять таблетку хотя бы сейчас, я потянулась к сумочке, оставленной на столе рядом с кроватью, и, едва ее открыв, увидела пустое дно. С досадой хлопнула себя по лбу. Я же не взяла коробочку с таблетками, когда отдавала Крепышу старую сумку с жучком! Тогда я была в таком состоянии, что мне это и в голову не пришло. Да и потом я о них не вспоминала...

Почувствовав, что холод пробирает до костей, я снова утонула в мягкой перине, натянула одеяло до носа и закрыла глаза, пытаясь высчитать, чем грозит мне проявленное легкомыслие. Итог получился крайне безотрадным. На меня напал истерический смех. Если вдруг забеременею, то даже не буду знать, кто отец ребенка! Конечно, потом можно будет сделать генетический анализ на отцовство, но это так унижительно, черт побери! Эх, если бы я была какой-нибудь легкомысленной дурочкой, которой глубоко плевать, с кем трахаться, но ведь я вовсе не такая...

Повздыхав, я всё-таки решила, что ничего подобного мой ангел-хранитель не допустит, и уснула, видя во сне попеременно то Романа, то Георгия в весьма неприличном виде.

Проспала до самого утра и проснулась от ознобистого сыроватого холодка. Открыв сначала один глаз, потом другой, увидела незнакомый дом, и сердце затопила волна искренней радости, забытой мной за последнее время. Итак, несмотря на чинимые мне вредоносными мужиками препятствия, я всё-таки смогла сделать так, как хотела!

Стараясь не растерять так давно не испытываемого чувства легкости и беззаботности, быстренько натянула на себя джинсы, свитер и куртку. Растерев основательно замерзшие руки, решила протопить печь, ведь баба Нюра говорила, что она исправна. Но проверить ее слова не смогла, не было дров. Я обыскала всё: двор, сарай, огород – пусто!

Пришлось снова идти за помощью к соседке. Выслушав меня, она покачалась, уныло прищелпывая бесцветными губами:

– Да были у Ефросиньи дрова, как не быть, она хозяйственная была, домовитая, да мы с бабами порешили, что они ей на том свете не понадобятся, ну и истратили их этой зимой – она затыжная была и холодная, своих не хватило. Ты уж нас прости...

В голосе старой женщины слышалась искренняя досада на собственное неразумие. Да уж, какой у нас народ всё-таки совестливый. Кто я ей, чтобы извиняться?

Посмотрев на скрюченную старушку, я с недоумением спросила:

– А кто же вам дрова колет? Сами, что ли?

Она уперлась руками в бока и подбоченилась, видимо, вспомнив те времена, когда была достаточно бодра для такой работенки, но тут же закряхтела и призналась:

– Да раньше-то сами, у меня и бензопила есть, и всё, что надо, но сил больше нет. Приходится из соседнего села мужиков звать. Вот как пенсию давать будут, так кто-нибудь и придет. Им завсегда выпить охота, только ради этого и живут...

– А где они бревна берут?

– Да нам их лесхоз выделяет, когда делянки чистит. Они в конце деревни подле Минькиного дома лежат.

Решив посмотреть на бревна, я дошла по узкой полuzаросшей тропке до самого конца деревни. Около последнего полуразвалившегося дома и впрямь лежала сваленная как попало,

видимо с лесовоза, гора бревен. Я озадаченно потерла лоб. Ну и ну! Не сказать, чтобы бревна были огромными, но и маленькими их никто не назовет. Мне с такими уж точно не справиться...

Побрела обратно, раздумывая, как же быть. Светиться в главном хозяйстве с подобными просьбами мне ни к чему. Но и нарубить дров самой сил не было тоже. Вдруг у меня мелькнула забавная мысль. Она могла, конечно, привести к негативным последствиям, если Пронин решит искать меня с помощью ГИБДД, но, как известно, волков бояться – в лес не ходить.

Вернувшись к бабе Нюре, предложила:

– Давайте не будем ждать вашей пенсии, а то я, пожалуй, просто замерзну. Давайте сделаем так...

И мы сделали. В бабе Нюре, как выяснилось, жив был еще авантюрный дух. Правда, перед вылазкой она принарядилась – надела приличное, по ее мнению, пальто, купленное лет тридцать назад, черные резиновые ботинки и аляповатый, в крупных красных розах, шерстяной платок.

Посадив в машину, я подбросила бабульку до поста ГИБДД, не доезжая до него, однако, метров триста. Там она жалостливо попросила начальника, сурового вида мужчину в звании майора, помочь трем бедным немощным старухам. Почесав в затылке, он предложил двум проштрафившимся водителям царский выбор – или лишение прав, или колка дров. Те предпочли последнее.

Усадив бабу Нюру в одну из машин, они поехали в Зажимки, а я, чтобы не быть замеченной, осталась куковать в ближнем лесу, провалявшись весь день на солнышке посредине цветущей полянки, по животному бездумно наслаждаясь весенним теплом.

Приехала в деревню только к вечеру, надеясь, что дров заготовлено хотя бы на месяц. И поразилась – мужики, видимо, вспомнив молодость, распилили и нарубили все имеющиеся в наличии бревна.

У валяющихся в беспорядке полешков стояли все местные обитательницы. Кроме бабы Нюры, на меня с интересом смотрели еще две старушки. Одна из них, в старом, но чистеньком драповом пальтишке, в кокетливой шляпке тридцатых годов, что в нынешние времена выглядело последним писком моды, подала мне сложенную лодочкой ладошку и чопорно представилась:

– Вера Ивановна.

Остальные бабульки просто закатились от смеха.

– Ты на нее внимания не обращай! У нее бывают заскоки! – Баба Нюра принципиально не обращала внимания на вытянувшееся лицо соседки. – Она у нас интеллигентная! У нее муж бригадиром был, когда у нас тут отделение колхоза было! Зови ее баба Вера, и будет с нее!

Другая старушка, в длинной черной юбке с выставившимися из-под нее вытянутыми трикотажными штанами белесо-черного цвета, согласно покивав, приветливо проговорила:

– Баба Маруся я. А ты, стало быть, Рита. И надолго к нам?

На этот вопрос я ответить не смогла.

– Да как получится. Как дела пойдут. К тому же какая погода стоять будет...

Видя мою растерянность, мне на помощь пришла баба Нюра. Чрезвычайно довольная собой, она хвастливо перевела разговор на более насущные проблемы:

– А мужики-то молодцы. У Кольки, ну, у того, что постарше, с собой циркулярка была. Так что они ее приспособили и быстренько так бревна-то распилили. Колоть руками не стали – тоже циркуляркой пилили. Видишь, какие чурбанчики-то аккуратные? Моей бензопилой так не напилишь. Завтра мы с Маруськой и Веркой потихоньку начнем дровишки к домам подтягивать.

– На чем?

Старушка искренно удивилась моей наивности.

– Да на тележках, на чем же еще! У нас для этого хорошие тележки есть, крепкие.

Загрузив багажник дровами, я усадила гордую бабу Нюру на переднее место, дав ей чудненький повод высокомерно помахать рукой товаркам, и повезла домой, раздумывая по дороге, как же мне помочь бабулькам перевезти все дрова к их усадьбам. Сегодня начинать это нелегкое дело было уже поздно, смеркалось, через полчаса дорога в темноте не будет видно вовсе. Уж лучше завтра с утра пораньше.

Устало вылезая из машины, баба Нюра потерла плечо и грустно предупредила:

– Скоро дожди начнутся. Кости у меня заломило. – И медленно побрела к дому, внезапно вся как-то скукожившись.

Набрав охапку дров из багажника, я двинулась за ней. Она искренне удивилась:

– Да зачем это? Тепло же в хате.

Но я думала иначе – в ее избе стоял тяжелый запах сырости, от которого можно было в два счета заболеть. Но старушка была категорически против столь неэкономной траты топлива, и я нашла выход – попросила научить меня, как топить печь.

Удивившись моей беспомощности, ведь она-то считала, что никакой премудрости в этом нет, баба Нюра показала мне на примере четырех брошенных ею в топку дровишек, что это и в самом деле несложно. Дрова весело затрещали, сразу сделав старый домишко уютным, и я, вполне довольная полученным результатом, попрощалась и отправилась к себе.

Придя в избу Ефросиньи, попыталась сделать то же самое, но даже сухая береста занялась у меня только с третьей попытки. Но всё же растопить печь мне удалось, и спать на этот раз я легла в протопленном доме.

Посреди ночи мне послышалась мышиная возня, тоненький писк и равномерное похрустывание. Что это они там нашли? Надо будет попросить у соседок взаймы кошку – это мелькнуло в голове и быстро исчезло под грузом усталости и свежего воздуха. Больше ночью я не просыпалась, хотя, вполне возможно, что мыши бегали и по мне, уж больно много поутру оказалось свидетельств их пребывания.

На следующий день, прибрав в доме, я занялась более трудными делами. С трудом призвав к своей машинке старую, но еще крепкую телегу, мы все вместе сгрузили на нее четвертую часть дров и привезли к бабе Нюре. Потом то же повторили для бабы Маруси и бабы Веры. Свою, последнюю, телегу я грузила и выгружала уже одна – старушки спешили убрать свои дровишки под навесы до дождя.

Вечером у меня жутко болели руки, ломило спину, и я решила, что, если я и забеременела ненароком, то во мне ничего не задержится – я сроду так не надсажалась.

Вспомнив о неприятном соседстве, отправилась за помощью к Вере Ивановне – у нее жили две немолодые, но еще вполне шустрые кошки.

Старушка дала мне одну из них, правда, с неохотой, ведь кошка, как человек, вполне может остаться там, где ей приглянется больше. Запустив рыжую тощенькую Муську в свой дом, я немного последила за ее суетливыми исследовательскими перебежками, и вышла во двор за очередной охапкой дров.

Растопив печь в доме, решила смыть с себя пот и грязь, затопив и баню. После нескольких безуспешных попыток мне это удалось. Натаскав воды из колодца, я с удовольствием помылась. Париться, правда, не стала, для этого дров нужно было гораздо больше, а меня после сегодняшних мытарств обуял дух бережливости.

Этой ночью под защитой бдительной Муськи я спала гораздо спокойней, чем накануне. Правда, периодически в ее лапах находила конец одна из беспечных непуганых мышек, издавая при этом отчаянный предсмертный писк, но, честно говоря, меня это ничуть не трогало.

Под утро, как и прогнозировала местный синоптик баба Нюра, пошел дождь. Да еще какой. Сухая земля под бьющими по ней наотмашь струями воды издавала звонкую барабан-

ную дробь. Я проснулась от грохочущего по крыше ливня и долго не могла заснуть, боясь, что в комнату вот-вот хлынут потоки воды.

Но всё было нормально, и я, мало-помалу успокоившись, снова задремала. Встав поутру с постели, чуть не наступила на аккуратно уложенную у кровати внушительную горку задуршенных Муськой мышей, и испуганно ахнула.

Кошка сидела рядом и, подозрительно прищулив желтые глаза, ждала от меня благодарности. Отдавая дань справедливости, пришлось ее громко похвалить. После пяти минут моих восторженных ахов и охов, сочтя, наконец, что я в полной мере оценила ее праведные труды, Муська потянулась, зевнула и прыгнула на полати с явным намерением отдохнуть от нелегкой ночной работы.

Скривив нос, я палкой затолкала мышинные трупы в полиэтиленовый мешок, и попыталась выйти во двор, чтобы их выбросить, но это мне не удалось: кругом стояла вода. Она, правда, уходила, но крайне медленно, потому что деревушка стояла на совершенно ровном, без малейшего уклона, месте. Я глупо толкалась на одном месте, не решаясь вступить в темную воду, пока не догадалась заглянуть в загашники Ефросиньи.

Конечно же, в кладовой стояли добротные резиновые сапоги. Натянув их, я смогла выйти во двор. Воздух был чистым, даже пряным от стремительно распускавшихся цветов. Выбросив жертв Муськиной агрессии в мусорный ящик возле сарая, я с восторгом посмотрела вокруг. Такого чистого неба и ярких красок мне еще видеть не доводилось. Руки сами запросили кисть.

Вернувшись в дом, я взяла гуашь и пару листов бумаги. Осторожно укрепив их на переносном мольберте, принялась писать темно-розовые мальвы, припоминая технику рисования, которую в нашем архитектурно-строительном институте преподавал студентам известный художник Игорь Коноваленко.

Это занятие оказалось настолько захватывающим, что я опомнилась только под вечер, почувствовав голодные рези в желудке. Пришлось идти домой и срочно готовить еду из купленных мной в дороге продуктов. Поев, я посчитала оставшиеся запасы. Еды даже при самой скромной экономии было максимум на неделю. Но если дороги размыты, то как я буду пополнять запасы провианта? Правда, на данном этапе это меня не слишком беспокоило, ведь как-то добывают еду мои соседки, значит, и я смогу.

Вечером сходила к бабе Нюре, выяснила, что живут мои соседки главным образом на собственноручно выращенных овощах. Видя мою растерянность, баба Нюра дала мне житейский совет:

– Если собираешься остаться здесь на лето, то посади хотя бы огурцы. Парники у Фроськи хорошие были. Хотя я не ходила, не проверяла, как они зиму простояли.

На следующее утро я провела ревизию на своем временном огороде. Огромные грядки длиной в несколько десятков метров уходили за горизонт, наводя на размышления, для чего старушке столько овощей? Если только она не сдавала их перекупщикам.

Баба Нюра мои выводы подтвердила:

– Конечно, сдавала, а то откуда бы у нее и бельишко новое, и одежда? Не с нашей же смешной пенсии! Несколько тысяч она осенью имела, могла себе кое-что позволить. Жаль, что мне спина столько выращивать не дает, а то бы я... – она мечтательно замолчала, видимо, представляя, что она могла бы купить на вырученные деньги.

Не желая ей мешать, я почапала к себе, встала посреди огорода в гордой наполеоновской позе и решила заняться огородничеством. Исключительно для пропитания, а не для выгоды. Соседки поделились со мной семенами огурцов, редьки, репы, моркови, свеклы и других овощей и пряных трав. Малины и яблок в огороде росло не меряно, да к тому же все грядки заросли самосевным укропом.

За неделю я вскопала и посадила несколько грядок, вяло размышляя о том, ухаживает или нет за моей усадьбой в Пореченске Георгий. И что поделявает Пронин? Самое приятное

было бы, если б он забыл, как меня и звали, но мой житейский опыт подсказывал, что это вряд ли. С его-то самолюбием допустить, чтоб от него сбежала любовница, да еще при этом превратив его в форменного клоуна! Даже оставив в стороне его бесконечные уверения в пылкой страсти, такого ни один уважающий себя мужик просто так не спустит. А уж Пронин с его возможностями тем паче. И я каждый раз вздрагивала, стоило мне услышать какой-нибудь необычный для нашей тихой деревеньки звук.

Но постепенно работы прибавилось столько, что я забыла о своих переживаниях. Мне казалось, что здесь лечит всё – тишина, чистый прозрачный воздух и почти полное одиночество. Соседские бабульки хоть и любили поболтать, но без приглашения ко мне не ходили. А после того, как я отдала бабе Нюре свой вполне сносно показывающий телевизор, они и вовсе про меня забыли, глядя все мыльные оперы подряд и при случае усердно мне их пересказывая, боясь, что без телевизора я скучаю.

Но мне было не просто хорошо. Я чувствовала себя по-настоящему свободной и даже счастливой, чего со мной не бывало со времен каникул у бабушки. А когда обнаружила, что постельные излишества не дали никаких результатов, просто возликовала.

В деревеньке периодически появлялся таинственный Семен, но мне с ним встретиться не довелось ни разу. После его визита бабульки были какими-то взъерошенными и странно пугливыми, но со мной своими страхами не делились, а я особенно не допытывалась, боясь их сконфузить.

Лето всё больше разгоралось, приближая день рождения. И не чей-нибудь, а мой. Двадцать седьмого июня, открыв на рассвете глаза, я радостно поздравила себя с тридцатишестилетием. Правда, наречие «радостно» вовсе не отражало смысл того, что я чувствовала, но в этом случае вполне достаточно было и того, что я хотела чувствовать.

Не вставая с кровати, представила, что было бы, останься я с Георгием. Одеваясь, он бы небрежно чмокнул меня в щеку и снисходительно поздравил. После работы преподнес бы мне красивый букет цветов. Правда, букеты покупал не он сам, а его секретарша, не мог же он тратить свое драгоценное время на такую бездарную ерунду.

Потом бы мы уселись за накрытый мной же праздничный стол. Никаких излишеств типа ресторанов или ночных клубов не предполагалось. Поужинав, Георгий отправился бы в кабинет работать, а я, оставшись одна, прибрала на кухне и в свою очередь занялась бы очередным заказом.

Нарисованная картинка мне категорически не понравилась. А ведь именно так мы и отметили мой день рождения в прошлом году. Дети были в Москве, у них в этот день был важный экзамен, поэтому они даже позвонить мне смогли только после четырех часов. Но не забыли, и то приятно.

Припомнив это, пренебрежительно фыркнула. Так встречать день рождения я больше не хочу.

С Романом всё было бы с точностью до наоборот. Это был бы настоящий праздник. Возможно, чересчур помпезный, с огромной горой цветов, подарков, роскошным банкетом в каком-нибудь умопомрачительном ресторане. И, конечно, вечер был бы отмечен какой-нибудь сверхдорогой драгоценной побрякушкой. Но проблема-то в том, что и к подобному празднованию душа у меня не лежала.

А как я хочу? На этот вопрос у меня ответа не было. Хотелось чего-то душевного, нежного и уж никак не сверхторжественного. Но чего конкретно? Не знаю...

Разгорался чудесный денек, и я решила сгонять в магазинчик у поста ГИБДД. Правда, от ожидания неприятностей я до сих пор чувствовала неприятное покалывание в кончиках пальцев, и останавливаться старалась задолго до камер слежения, но всё-таки такой панической дрожи, как прежде, уже не испытывала. Я решила – даже если Пронин и найдет меня здесь,

ни за что с ним не уеду. А если он попытается применить один из уже апробированных на мне приемчиков – пусть бережется! Больше я его эгоистичной любви терпеть не буду.

Позвав с собой соседок, для которых подобные поездки были настоящим приключением, завела мотор. Дождалась, когда в машину заберутся принарядившиеся бабульки, и тронула с места.

Приехали мы довольно быстро, я более-менее изучила все пакости, которые готовила водителям эта пьяная дорога, поэтому загодя все их благополучно объезжала. В магазине известила женщин, что у нас сегодня будет небольшое застолье, и спросила, что лучше купить. Ответ был вполне ожидаемым – водки.

Выбрав бутылку «абсолюта» с лимоном, я надеялась только на то, что наши ангелы-хранители не допустят, чтобы вместо нормальной водки нам подсунули бодягу. Оценив взглянув на бабулек, решила купить еще и коньяка. К моему удивлению, в этой забегаловке нашелся неплохой армянский коньяк. Видимо, среди отоваривающихся здесь водителей встречались и небедные люди. На закуску я набрала сыру, красной рыбы, копченой колбасы и прочей разной несущественной, но вкусной мелочи.

Приехав домой, бабульки постановили накрыть стол у Веры Ивановны, потому что посуды в доме Ефросиньи было и раз-два и обчелся, но, как я подозревала, потому, что соседки разобрали по себе наиболее стоящие вещи.

И впрямь, едва я пришла с продуктами к Вере Ивановне, как всё стало понятно – у нее на столе красовался вполне приличный довоенный сервиз ленинградской фабрики «Красный фарфор». Похоже, сервиз этот был из закров хозяйственной Ефросиньи, потому-то баба Нюра с бабой Марусей и потребовали у теперешней владелицы использовать этот антиквариат для всеобщего блага. Не знаю, какими путями он ей достался, но старушка явно гордилась такой красотей.

Я на всякий случай захватила кроме водки еще и коньяк, не думая, правда, что он может пригодиться. Всё-таки мужиков среди нас не было. И ошиблась. Бабульки лихо распили пол-литра на троих и даже захмелели-то слегка, чуть-чуть. Правда, закуски у них было полно – кроме купленных мной продуктов, они притащили огурчики, помидорчики, разного вида грибы, соленья, варенья, даже пару салатиков настругали. В общем, на нашем довольно большом столе яблоку негде было упасть.

Убедившись, что мои соседки пить умеют и фору мне в этом деле дадут очков в сто, я выставила коньяк, к которому непривыкшие к подобным напиткам дамы поначалу отнеслись настороженно. Но, распробовав, признали, что он вполне даже ничего. Но, исключительно для справедливости добавили: водка всё же лучше. И полезнее она, и клопами не воняет.

Потом они начали петь песни, причем в истинно народной манере, то есть не пели, а голосили. Потом принялись горевать о нашей тяжелой бабской доле. Почему-то больше всех их донимала моя судьба. Хотя я ничего им о себе не сообщила, кроме того, что замужем и имею двух уже взрослых сыновей, они, как звери, каким-то внутренним чутьем учуяли, что я несчастлива.

– Ой, Ритка, тебе надо нормального мужика найти. – В этом они были солидарны все.

Согласно им покивав, я провокационно спросила:

– А где его взять, нормального-то мужика? Мне кажется, они давным-давно на Руси перевелись. Мужик, он зверь редкий, исчезающий.

Покряхтев, женщины уныло со мной согласились.

– Перевелись, это точно. Если какой и заваялся где, так он давно к какой-нибудь юбке припилен. И что за напасть такая? Кругом бабы одни... – И баба Нюра громко скомандовала: – Давайте споем, девки! – и они снова во всю мочь загорланили песню за песней.

Я слушала их молча. Горланить я не умела, да и учиться желания не возникло. От их песен у меня звенело в голове, и я боялась, как бы со мной не приключился приступ мигрени.

Но вот они допели да конца очередную песню – к моему восхищению, песен они знали множество и пели их полностью, не пропуская ни единого куплета, – и баба Маруся печально констатировала:

– Рите бы наш Сенька подошел. Хороший мужик. Порядочный. И умный.

Они зашумели, соглашаясь с ней. Вот ведь свахи нашлись! Но не успела я отказаться от сомнительной чести, как баба Маруся с тоской добавила:

– Ежели бы он женат не был...

Бабульки печально примолкли, по очереди озабоченно охая. Меня даже заинтриговал этот таинственный, периодически возникающий из небытия Семен. Кто же он все-таки такой?..

Посмеявшись про себя над своим нелепым интересом, я сказала:

– Вы продолжайте, я сейчас!

И вышла, не собираясь больше возвращаться. Им и без меня было не скучно.

На следующий день бабулек долго не было слышно, я уж испугалась, что после вчерашнего они неважно себя чувствуют, но после десяти часов все соседки собрались около моего дома, бодрые, довольные, и позвали меня за ворота.

Поблагодарили меня за славный банкет – причем они так и выразились «банкет». Я поняла, что это влияние бесчисленного количества просмотренных ими сериалов. Сразу видно, что дамы приобщились к цивилизации. И пригласили через неделю на продолжение – оказывается, у бабы Нюры будут именины. Я поблагодарила, понимая, что подобные развлечения – единственное, что осталось в этой маленькой коммуне.

Они разошлись, а я долго не могла понять, как можно таким немолодым уже старушкам жить практически в одиночестве в такой глухомани. Неужели у них нет никого из родни, кто мог бы взять их к себе? Или они сами не хотят отсюда уезжать? Родная земля она родная земля и есть. Чем ее можно в таком возрасте заменить? Ничем, наверное...

Глава вторая

Ранним утром в один из славных июльских деньков, когда солнышко так ласково согревало землю и до душной полуденной жары было еще далеко, я пыталась перенести на холст скромные полевые ромашки, расцветшие в углу моего двора. Получалось не очень, всё же я не профессиональный художник, но я старалась.

Было тихо, если не считать радостного пения какой-то пичужки над моей головой и стрекота кузнечиков под ногами. И вот посредине этой блаженной тишины по нашей маленькой деревеньке вдруг разнесся недовольный баритон.

Он звучал начальственно и напористо. Ему несмело возражали тихие голоса обычно вовсе не робких старушек. Меня это и возмутило и заинтриговало. Кто это командует моими самостоятельными соседками? Торопливо протерев руки ветошью, чтобы снять следы попавшей на них краски, я вышла на улицу.

Неподалеку от дома бабы Веры виднелся серый запыленный УАЗик, которыми в советские времена снабжались лидеры колхозов и совхозов, а рядом с ним, сердито склонив голову, стоял крепкий мужчина среднего роста. Это он разговаривал с моими бабульками таким раздраженным тоном, вынуждая их защищаться. Что опять стряслось?

Я поспешила к ним на выручку, забыв, что мне бы лучше не высовываться.

– Что случилось? – мой голос прозвучал слишком резко, я и сама это слышала, но уж больно беззащитными мне показались сбившиеся в стайку старушки.

Обернувшись, мужчина удивил меня добрым выражением светло-голубых внимательных глаз. От него и в самом деле веяло непривычной в наше время сердечностью, которую, как мне показалось, он тщательно скрывал. Окинув меня пристальным взглядом, удивленно спросил:

– А это что еще за цаца? – и его глаза возбужденно потемнели.

На мне были обрезанные до середины бедра серые джинсы и свободный топик на тонюсеньких ляпочках. Лифчика не было, и грудь, ничем не поддерживаемая, свободно колыхалась при ходьбе. Вспомнив об этом, я с трудом удержалась, чтобы не скрестить руки на груди защитным жестом. Напомнив себе, что я в собственном доме и не ожидала, что мне придется принимать гостей, выпрямилась и в свою очередь окинула гостя изучающим взглядом.

Он и самом деле был очень неплох – крепкий, уверенный в себе, с твердыми чертами лица. Чем-то он смахивал на молодого Тихонова в фильме «Дело было в Пенькове».

Одет он был не по-здешнему очень цивилизованно, в легкий летний костюм из серой рогожки и бледно-голубую рубашку с двумя расстегнутыми сверху пуговицами. Я внезапно пожалела, что не привела себя в порядок и поразилась – нет, это ж надо! С трудом удрал от двух мужиков, я еще одному понравиться хочу! Что это со мной? Не иначе как в самом деле с ума сошла.

Эта неприятная мысль заставила меня нахмуриться, и бабульки, решившие, что мне не понравилось слово «цаца», хором бросились на мою защиту.

– Это не цаца, а Рита. Очень хорошая девочка, между прочим... – это у них прозвучало с таким очевидным намеком, что я насторожилась. Если я хорошая, то, значит, есть и нехорошая? Но кто?

Мужчина сделал вид, что ничего не понял и продолжал с настойчивым вопросом смотреть на меня. Пришлось представиться:

– Я Маргарита. Художница. Живу здесь, пишу картины.

Бабульки тут же кинулись подтверждать мою художническую состоятельность:

– И замечательные картины, между прочим!

Опять в этих словах прозвучал непонятный мне, но вполне доступный гостю подтекст. Нахмурившись, он уточнил:

– Просто Маргарита? А фамилия есть?

Я воспротивилась прозвучавшим в его голосе милицейским ноткам:

– А вам зачем?

Это его удивило. Видимо, до сей поры ему никто возражать не пытался. Немного поколебавшись, признал:

– Да незачем. Я не участковый, чтобы всё про всех знать. – И, повернувшись к старушкам, продолжил прерванную моим появлением речь: – В общем, так: собирайтесь и поедem в дом престарелых. Там за вами хоть присмотр надлежащий будет. А тут с вами в любую минуту черт-те что случиться может.

Старушки возмущенно загалдели, не решаясь, впрочем, серьезно ему возражать. Мне были понятны его мотивы – женщины в этой глухомани и в самом деле были беззащитны. У них даже сотового телефона не было, чтобы сообщить о болезни или любой другой возникшей проблеме.

Мужчина искоса посматривал на меня, что-то прикидывая, и я невежливо у него спросила:

– А вы кто?

От неожиданности он откинул голову и несколько раз недоуменно моргнул. Похоже, здесь его должна была знать каждая собака. Чуть усмехнувшись, протянул мне руку и представился:

– Извините, не подумал, что мы видимся впервые. Андреев Семен Иванович. Здешний управляющий. – И пояснил мотивы своего здесь появления: – В какой-то степени ответственен за всё, что происходит на этой земле.

Я внимательнее посмотрела на него. Так, значит, это тот самый Сенька, который, если бы не был женат, вполне бы мне подошел. Как ни странно, но у меня возникло это же нерациональное ощущение. Какие-то необычные флюиды, шедшие от него и странным образом греющие мое сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.